

ДЕТСКАЯ КНИГА ВОЙНЫ

ДНЕВНИКИ 1941-1945

«АРГУМЕНТЫ И ФАКТЫ»
«АИФ. ДОБРОЕ СЕРДЦЕ»
МОСКВА, 2015

В книге огромное количество дневников тех, кто не дожил до наших дней и не смог увидеть этот том. Вечная им память!

ЛЕНИНГРАД: БЛОКАДА

В книге огромное количество дневников тех, кто не дожил до наших дней и не смог увидеть этот том. Вечная им память!

Я из детства ушел не как все,
А шагнул через пламя взрыва...
В молодом серебристом овсе
Мина мягкую землю взрыла.

Вновь засеяли землю весной,
От дождей оплыла воронка...
Трудно вырасти из ребенка,
Искалеченного войной.

Глеб Еремеев

Юра Рябинкин

Дневник Юры Рябинкина

- Юра Рябинкин, живший в Ленинграде с мамой и сестрой, боролся не только с блокадными обстоятельствами, пришедшимися на долю всех, он боролся ещё и с самим собой, со своей совестью, вынужденный делить крохи хлеба с самыми близкими, и честно записывал эти трагические переживания в свою синюю тетрадку в матерчатой обложке.
- Младшая (моложе на 8 лет) сестра Юры Ира была разыскана ещё в прошлом веке Даниилом Граниным и Алесем Адамовичем, напечатавшими отрывки из дневника её брата в своей «Блокадной книге»; удалось поговорить с ней и нам, уже в 2015 году. Ирина Ивановна, 45 лет проработавшая учительницей русского и литературы в школе, помнит, как мама – с уже замутнённым дистрофией сознанием – упаковывает чемодан: Рябинкиным наконец дали возможность эвакуироваться. Но Юре не суждено было уехать из Ленинграда, он остался дома.

- Как Юрин дневник попал к людям – история до конца не ясная. К одному из юбилеев снятия блокады газета «Смена» бросила клич по школам – собрать свидетельства тех дней. Одна девочка принесла блокадный дневник неизвестного ей мальчика, Юры Рябинкина, хранившийся в семье, а до этого – у её бабушки в Вологде. Когда Ирина Рябинкина прочитала «Смену», опубликовавшую отрывки, она поехала в Вологду и нашла ту женщину: «Разговор получился короткий... Похоже, что она работала медсестрой в какой-то больнице, и Юра, умирая, уже не в состоянии ничего сказать, лишь кивнул головой: «Здесь, под подушкой». Там лежала синяя тетрадь. Медсестра её забрала. Что стало с Юрой – неизвестно».

- **22 июня 1941 г.** Всю ночь мне не давало спать какое-то жужжанье за окном. Когда наконец к утру оно немного затихло, поднялась заря. Сейчас в Ленинграде стоят лунные, светлые, короткие ночи. Но когда я взглянул в окно, я увидел, что по небу ходят несколько прожекторов. Все-таки я заснул. Проснулся я в одиннадцатом часу дня, вернее, утра. Наскоро оделся, умылся, поел и пошел в сад Дворца пионеров. (...)
- Выйдя на улицу, я заметил что-то особенное. У ворот нашего дома я увидел дворника с противогазом и красной повязкой на руке. У всех подворотен было то же самое. Милиционеры были с противогазами, и даже на всех перекрестках говорило радио. Что-то такое подсказывало мне, что по городу введено угрожающее положение.
- 28 июня. Сегодня работал опять во Дворце пионеров на строительстве бомбоубежища. Работа была адская. Мы стали сегодня каменщиками. Я отбил все свои руки молотком – все они теперь в царапинах. Но сменили нас рано – в 3 часа. Поработали мы, следовательно, 4 с половиной часа, но как!!!
- Из Дворца я пошел к маме. Мама в беспокойстве, все ходит унылая... Встала возможность химической войны, сейчас начинается эвакуация. Взял 5 рублей и сходил в столовую. Затем пришел домой. Приходила какая-то женщина, которая записывала всех ребят до 13 лет. Ирку записала. Комендант приказал Нине дежурить у ворот с половины десятого и до трех. Кстати, сообщил, что на случай тревоги мы должны бежать к Хамадулину, в 1 этаж. Но там все равно небезопасно. От фугасной бомбы не спастись, от воздушной волны тоже: волна снесет дом, а его обломки похоронят нас в этом подвале: от химической бомбы не спастись тем более.

- **29 июня.** Работал во Дворце на строительстве бомбоубежища. Перед этим был на площади Лассаля (пл. Искусств) – грузил песок. Но работы там было все же мало.
- **30.** (...) Пошел в фонд. Там другая новость – меня, наверное, в армию не возьмут: мал, да еще плеврит; из-за того, что плохо себя чувствую, дает себя знать плеврит, освободят, наверное, от работы во Дворце и пошлют в лагерь.
- **Июль-август.** Да... это, пожалуй, самая тяжелая, самая опасная для нас война. Много будет стоить победа.
- Прочел «Дворянское гнездо».
- Играл с Давидом в шахматы.
- Мама дала мне денег, на которые я съел тарелку супа (борщ) и тарелку манной каши с маслом в столовой Дворца труда. Затем пришел домой. Дома учился давать мат слоном и конем. (...)

- Доподлинно установить, как погиб Юра - а его младшая сестра до сих пор верит, что он мог и выжить, спастись, - не удалось никому. В последний раз 8-летняя Ира видела старшего брата в начале января 1942 года.
- **31 августа, 1 сентября.** Занятия в школе 1 сентября, сегодня, не состоялись. Неизвестно, когда будут. С 1/IX продукты продают только по карточкам. Даже спички, соль и те по карточкам. Настает голод. Медленно, но верно.
- Ленинград окружен! Немецкий десант, высадившийся в районе ст. Ивановская, отрезал наш город от всего СССР. (...)
- Завтра мне должно было бы быть 16 лет. Мне – 16 лет!
- **25 сентября.** Сегодня я окончательно решил, что мне делать. В спецшколу не иду. Получаю паспорт. Остаюсь в школьной команде. Прошу маму эвакуироваться, чтобы иметь возможность учиться. Пока езжу на окопы. Через год меня берут в армию. Убьют – не убьют. После войны иду в кораблестроительный институт или на исторический факультет. Попутно буду зарабатывать на физической работе сколько могу. Итак, долой политику колебаний! Сегодня иду в школу к 8-ми. Если мама придет раньше, скажу ей мое решение. Все остальные исходы я продумал и отказался от них.

- **1 и 2 октября.** (...) Мне – 16 лет, а здоровье у меня, как у шестидесятилетнего старика. Эх, поскорее бы смерть пришла. Как бы так получилось, чтобы мама не была этим сильно удручена.
- Черт знает какие только мысли лезут в голову. Когда-нибудь, перечитывая этот дневник, я или кто иной улыбнется презрительно (и то хорошо, если не хуже), читая все эти строки, а мне сейчас все равно.
- Одна мечта у меня была с самого раннего детства: стать моряком. И вот эта мечта превращается в труху. Так для чего же я жил? Если не буду в В.-М. спецшколе, пойду в ополчение или еще куда, чтобы хоть не бесполезно умирать. Умру, так родину защищая. (...)

- **13 октября.** День прошел спокойно. Зато ночь дала себя знать. Вечером от мамы я узнал очень интересную вещь. Она видела (...), которая теперь работает в госпитале. Предлагают мне поступить в этот госпиталь. Моя обязанность эскортировать больных с госпиталя в госпиталь. Ответственность за их доставку несу я один. За потерю кого-либо иду под суд. Разъезжаю по ночам, преимущественно на машине. Мне кладут зарплату – 20 рублей в месяц и рабочую карточку. Быть может, обед. День работать, день отдыхать. Я согласен. Нужда... (...)
- **24 октября.** Весь день с 10 утра до 6 вечера вместо дежурства в школе провел в очереди за пивом. Не было времени даже постоять в милиции за паспортом. И все-таки пива не достал. Вечером пришла мама, истратила еще один кочан капусты.
- Чаю дают 12,5 грамм в месяц на человека, яиц вообще не дают. Рыбы тоже. Сегодня интересно поведение Анфисы Николаевны. Подарила нам 3 оладьи из морковного пюре, которое достала в столовой треста, и 10 драже. Было с чем пол кружки чая выпить. Написал письмо Тине. Попросил ее прислать посылку с сухарями или с картофельными лепешками. Надо думать устраиваться на работу. Об учебе на время придется забыть.

- **5 ноября.** (...) На сегодня надо было прочесть «Мертвые души» Гоголя, но при тусклом свете свечки невозможно читать. Пишешь машинально. Многие новости не знаю. Говорят: «XXIV годовщина решает все...»
- Что такое человек и человеческая жизнь? Что же, в конце концов? «Жизнь – копейка» – говорит старинная поговорка. Сколько человек жило до нас и сколько их должно было умереть... Но хорошо умереть, чувствуя и зная, что ты добился всего, о чем мечтал в юности, в детстве, хорошо умереть, зная, что остались последователи в твоих научных или литературных трудах, но ведь как тяжело... На что надеется сейчас Гитлер? На создание своей империи, самый замысел которой будет проклят человечеством будущих дней. И вот из-за какой-то кучки авантюристов гибнут миллионы и миллионы людей! Людей!.. Людей!!!
- Уже поздно. Артиллерийская стрельба на время стихла. Свеча догорает. Голод, холод, темнота, грязь, вши и перспектива: багровое будущее, окутанное темной пеленой.

- **5 декабря.** Мама права, надо верить всегда в лучшее. Сейчас надо верить, что мы эвакуируемся. Так должно быть. И будет. Хотя мама еле ходит – она поправится, хотя Ира жалуется на боли в левом боку – пройдет. Хотя я и мама не обуты, у нас нет валенок и теплых вещей – мы вырвемся из этого голодного плена – Ленинграда. Но сейчас уже вечер, идет тревога, бьют зенитки, рвутся бомбы... Разыгрывается жутчайшая лотерея, где выигрыш для человека – жизнь, а проигрыш – смерть. Такова жизнь. И-вы завтра не уезжают. Они уедут на днях. Счастливые люди...
- Голод. Жестокий голод

- **6 января.** Я совсем почти не могу ни ходить, ни работать. Почти полное отсутствие сил. Мама еле тоже ходит – я уж себе даже представить этого не могу, как она ходит. Теперь она часто меня бьет, ругает, кричит, с ней происходят бурные нервные припадки, она не может вынести моего никудышного вида – вида слабого от недостатка сил, голодающего, измученного человека, который еле передвигается с места на место, мешает и «притворяется» больным и бессильным. Но я ведь не симулирую свое бессилие. Нет! Это не притворство, силы (...) из меня уходят, уходят, плывут... А время тянется, тянется, и длинно, долго!.. О господи, что с

Таня Вассоевич

Дневник Тани Вассоевич

- Таня Вассоевич начала вести дневник 22 июня 1941 года – с первого дня войны. Девочка жила на 6-й линии Васильевского острова, в доме №39.
- Пройдёт более 40 лет, и в 1985 году Татьяна Николаевна Вассоевич сделает запись-признание: «Хлопоты похоронные мне десять лет после блокады снились. Ещё чаще снилось, что я маму спасаю, должна спасти её от смерти». Она часто вспоминала, как за три дня до смерти брата к ним зашла учительница музыки Мария Михайловна и рассказала, что её муж умер от голода. Брат Володя произнёс: «Почему же вы не сказали, что он умирает от голода? Я бы отдал ему свой хлеб». Это было 20 января, а 23-го брат сам умер от голода. Вот такая сила духа была в этом мальчике.
- Таня Вассоевич закончила художественное училище и архитектурный факультет ЛИСИ. Много лет она преподавала детям изобразительное искусство. Она прожила долгую жизнь, покинув этот мир в 2012 году.

- Её сын, профессор Санкт-Петербургского государственного университета Андрей Вассоевич, рассказывает: «В 90-х годах стало модным говорить о том, что в Ленинграде процветал каннибализм, а люди потеряли человеческий облик, – маму это страшно возмущало. Мама, наоборот, часто вспоминала благородные поступки блокадников. Её дневник перекликается с тем, что писала пережившая блокаду поэт Ольга Берггольц: «...мы счастье страшное открыли, – /достойно невоспетое пока, – /когда последней коркою делились, /последнею щепоткой табака...» «Город выжил, потому что люди думали не о себе, а о других».
- **22 июня 1941 года.** В 12 часов дня объявили, что началась война. По радио выступал т. Молотов с речью. Мама плакала. Я улыбалась. (...)
- **23.VI.** Днём побежала в художественную школу к Петру Павловичу Казакову. Рисунков я не взяла, и шла так, поделиться впечатлениями.
- П. П. был у себя в новом кабинете. Я нерешительно постояла перед дверью и вошла. П. П. поздоровался и спросил: «Ты работы принесла или так побеседовать?» Я сказала, что «так». «А я вот работы собираю, думаю, на фронт придётся».
- Мы поговорили, так о войне, о том, что немцы взяли, сколько сбили самолётов, П. П. собрал работы, мольберт, и мы вышли. На улице было ветрено, но тепло. Шли молча, мне хотелось спросить какой он лётчик, но не решилась. Вместе дошли до угла Среднего, П. П. пожал мне руку, попрощались и... он ушел, а я пошла домой. (...)

- **17.VII.** (...) В 10 часов утра мы были в Ленинграде!!! У вокзала мама с тётёй Наташей наняли такси, и мы поехали домой. (...) Мы проехали мимо многоуважаемой Академии Художеств, но... вместо художников на раскрытых окнах сидели красноармейцы и военные. (...)
- В Валдае мы были оторваны от мира и ничего не знали о фронте и о жизни города. Только приехав в Ленинград я узнала, что с 18 июля вводятся карточки. Конечно, мы приняли соответствующие меры, т. е. весь день гонялись по магазинам, хотя я чувствовала себя после дороги плохо. (...)
- **23.VII.** К нам пришла управдом и сказала: «Срочно собирайтесь, через час вы поедете на трудработы в Красное село». Я и Вова собрались и вышли к воротам. (...) Мы доехали до Гатчины. Здесь вышли все. Военные указали нам дорогу, и мы пришли в садик, вернее разместились под деревьями у дороги. Я только развязала рюкзак и вынула бутылку кефира, как что-то тихо загудело и люди закричали, что тревога. Я стала собирать вещи не очень-то спеша, как делала это в Ленинграде во время тревоги. И вдруг над головой зажужжали немецкие самолёты и где-то рядом забабахало. Это были первые залпы в моей жизни, и я очень испугалась. Запихнув вещи в рюкзак, я кинулась за нашими, которые неслись к придорожной канаве. Все мы легли плашмя в канаву, я накрыла голову рюкзаком. До сих пор не знаю, были ли это бомбы или зенитки, но что-то так громко бабахало, и казалось, еще ближе, ближе и вот разорвётся над нами. Но вот стало утихать, и потом совсем стало тихо. Мы поднялись из канавы бледные, все в пыли. (...) Опять залпы. Мы бежали к парку, а военные, стоявшие на карауле по дороге, указывали нам путь, смеялись и говорили: «Ничего, привыкнете!» (...)

- 27.III. 23/I-42 г. в 6 ч. 28 м. умер Вова.
- 1942 г. – 17/II в 11 ч. 45 м. умерла мама.
- (...) Страницы склеены, чтоб никто не видел самого сокровенного. На похоронах были тетя Люся, Гросс-мама, я и Толя Таквелин – Вовин лучший друг и одноклассник. Толя плакал – это растрогало меня больше всего.
- Август 1944. (...) Садимся и едем. Говорят, на рудник. Интересно! (...)
- От штольни отходят ходы в несколько сторон, мы идем по одному, рельсы кончаются, а через несколько метров тупик. Воздух здесь сжатый, как будто пыльный. Здесь недавно был взрыв. Кругом лежат куски камня. Немного возвращаемся, идём в другую сторону. Здесь бурят. (...) Под потолком висит карбитная коптилка и какой-то мужчина нагнувшись сверлит. Шум очень большой, голоса не слышно. Но вот он кончил, выключил. Тишина. Это стахановец, лучший забойщик, выполняет по 2-3 нормы. Он весь покрытый серой пылью и только видны красные губы. Мне кажется, что хуже работы в шахте нет. (...)

Таня Вассоевич училась в художественной школе, поэтому на страницах ее дневника часто встречаются рисунки.

- После Победы повзрослевшая Таня недосчитается многих из тех, кого знала до начала блокады. Вернувшись из эвакуации в освобожденный Ленинград, она первым делом пошла к лучшему другу своего покойного брата Толе. От его мамы она узнала, что юноша умер вскоре после её брата. Таня пыталась найти ещё четырех друзей Володи - все они умерли в блокаду.

- Ссылка на пост вк:
https://vk.com/prosto_psihopat